

рода; поэтому мы называем Джанни другом Мартино, имея в виду не природную дружбу, благодаря которой все люди – друзья, а дружбу, возникшую сверх дружбы природной, – она свойственна отдельным лицам, которых она объединяет. Так, никого не именуют философом из-за общей всем людям любви к познанию. По мысли Аристотеля в восьмой книге «Этики», лишь тот зовется другом, чья дружба не скрыта от любимой им особы и кого любимая особа тоже считает своим другом, так чтобы благоволение было взаимным; а оно рождается либо ради пользы, либо ради удовольствия, либо ради чести. Таким образом, для того чтобы быть философом, в человеке должна жить любовь к познанию, которая делает одну из сторон благожелательной; необходимы прилежание и забота, делающие и другую сторону благожелательной; так между сторонами рождается общность и очевидное благоволение. Поэтому без любви и без прилежания именоваться философом невозможно, но необходимо наличие и того и другого. И подобно тому, как дружба, возникшая из склонности или ради пользы, не есть истинная дружба, а лишь случайная, как это доказывает «Этика», точно так же и Философия по склонности или ради пользы не есть истинная Философия, но случайная. Посему не должен именоваться истинным философом всякий, кто ради какой-либо склонности дружит с той или иной областью премудрости; а ведь немало таких, кто любит разбираться в канцонах и их изучать и кто с удовольствием занимается Риторикой или Музыкой, но избегает других наук, которые все члены единой премудрости, и ими пренебрегает. Не следует называть истинным философом и того, кто дружит с мудростью ради выгоды, каковы юристы, медики и почти все церковники, занимающиеся наукой не для познания, но для приобретения денег или должностей; если бы кто-нибудь дал им то, чего они добиваются, они перестали бы ею заниматься. И подобно тому, как среди разных видов дружбы та, что основана на выгоде, менее достойна этого названия, точно так же и эти люди меньше всего достойны звания философов; в самом деле, подобно тому как дружба, возникшая честным путем, – истинна, совершенна и вечна, точно так же та Философия истинна и совершенна, которая возникает только честным путем, без всяких задних мыслей и из благорасположения дружественной души, предполагающего правильную устремленность и правильное рассуждение. Так что отныне можно утверждать, что если истинная дружба между людьми состоит в том, что один из них любит другого всецело, то и истинный философ любит премудрость во всех ее областях, а она в свою очередь всецело любит философа, поскольку она захватывает его всего и ни одной его мысли не позволяет отвлечься чем-нибудь другим. Недаром Премудрость говорит в Притчах Соломона: «Любящих меня я люблю». Истинная дружба, рассматриваемая сама по себе, в отвлечении от ее духовного обладателя, имеет своим субъектом познание добрых деяний, а формой своей – стремление к этому доброму делу; так и Философия, рассматриваемая в себе, независимо от души того, кто ею занимается, имеет своим предметом знание, а формой своей – некую как бы Божественную любовь к разуму. И подобно тому, как действенной причиной истинной любви служит добродетель, точно так же действенной причиной философии служит истина. Конечной же целью истинной дружбы служит доброе взаиморасположение, происходящее от сосуществования в соответствии с человечностью в собственном смысле этого слова, то есть в соответствии с разумом, как, видимо, и полагает Аристотель в девятой книге «Этики»; точно так же конечной целью Философии служит то отменнейшее взаиморасположение, которое не терпит никакого нарушения или отклонения, то есть истинное блаженство, приобретаемое через созерцание истины. Таким образом, понятно теперь, кто моя госпожа, и что она представляет собой среди причинных явлений, а также по своей объективной сущности, и почему она зовется Философией, а также кто является истинным философом и кто – случайным.

Однако под влиянием некоего душевного пыла и конечная цель страстей, и их проявление именуются одним и тем же словом, обозначающим как сам поступок, так и страсть (как это делает Вергилий во второй песни «Энеиды», называя Гектора устами Энея «О светоч», что обозначает действие, и в то же время величая его «надеждой троянцев», что обозначает страсть, хотя Гектор не был ни светочем, ни надеждой, но источником, откуда троянцы черпали свет его советов, и конечной целью, на которую они возлагали всю надежду на спасение; или как говорит Стаций в пятой песне «фиваиды», когда Исифила обращается к Архимору: «О ты, утешение за все и за утраченную отчизну, о ты, честь моего служения»; или как мы постоянно говорим, указывая на друга: «Смотри, вот моя симпатия»; или как отец называет сына: «любовь моя»); точно так же и те науки, на которые благодаря долгой привычке Философия наиболее ревностно устремляет свои взоры, называются ее именем. Таковы естественные науки, Мораль и Метафи-